

Евгений ДОГА:

Рос. яз. - 1993. - 26 июня - с. 16

Я — самый веселый и грустный человек

«Мне приснился шум дождя и глаза твои в тумане», — напевала я, отправляясь на интервью с композитором Евгением Дога. Не только романтические песни помнят его слушатели. Лирические симфонии, инструментальная музыка, балет «Лучафэрул», романсы. Вся страна когда-то с упоением слушала вальс из фильма «Мой нежный и ласковый зверь».

И вот после большого перерыва, вызванного в том числе и политическими страстями, в Колонном зале Дома союзов состоялся творческий вечер композитора.

— Вам сложно было создать программу для этого концерта?

— Сделать программу не сложно. Но я еще не созрел для новой формы отношений с публикой, когда культурные мероприятия спонсируются. Если между мной и публикой витает денежная масса — контакта не получится. И все же я понимаю, что в нынешних условиях искусству без спонсорства трудно выжить. С другой стороны, к сожалению, политические события отразились и на культуре, и на творчестве.

— Где вы проводите больше времени — в Москве или в Кишиневе?

— Мне тесно «плавать в узкой речке». И я благодарен тем людям в Москве, которые предоставляют мне возможность спокойно работать. Мои слушатели — здесь. Лишить меня России — значит убить во мне художника.

— А молдавскую музыку вы пишите?

— Она тлеет во мне, обжигая душу. Но пока не пишу. Недавно в Кишиневе состоялся концерт современной музыки, на который меня не пригласили. Наверное, я не современный?! А что такое современная музыка? Она может быть или плохой, или хорошей. А когда слышишь с эстрады экзерсисы, похожие на шум двенадцатиперстной кишки, когда туда попало кислое молоко, удовольствия мало.

— Помним ваши страстные речи с трибун. Вы продолжаете заниматься политикой?

— Порвал окончательно. Мы часто сбиваемся с пути, которому предназначены. Раньше мне казалось, что с помощью законов можно помочь культуре. Разочаровался. И перешел к другой форме политики — духовной.

Я в прекрасной творческой форме. Очень хочется писать. Заканчиваю сейчас произведение, навеянное стихами Николая Рубцова.

— Вы любите русскую классику?

— Брюсов, Бальмонт, Волошин близки мне по духу. Я всегда сам ищу тексты для песен и романсов. Главная задача художника — рождать свет. Мрак существует и без искусства.

— Со временем меняется что-то в вашем творческом процессе?

— Да, мое мироощущение. Всегда надо оставаться в душе ребенком. Когда художник перестает им быть — он умирает. И всегда надо оставаться учеником, а не мэтром.

— И это сказывается в ваших новых произведениях?

— Я продолжаю изучать историю русского искусства. Много времени провожу в архивах. В Лефортовском хранилище почти все узнал о певице начала века Анастасии Вяльцевой. Я писал музыку к фильму о ней режиссера В. Панина «Несравненная».

Я прошел еще один урок, открыл для себя еще один мир. Вяльцева обладала особым артистизмом. Находила такие формы общения со зрителем, которые не были тогда приняты. Ее одновре-

менно считали жрицей эстрады и образом пошлости. Но она никого не оставляла равнодушным, зажигала публику.

Увлек меня и фильм Ф. Петрухина «На Муромской дорожке» о русской эмиграции в Китае тридцатых годов. Ностальгия, которая гложет героев, мне очень понятна. В музыке старался передать трагическую любовь. В конце «любовь» расстреливают. Я шел от обратного. Написал гимн любви.

— И он по эмоциональности будет сравним с вальсом из фильма «Мой нежный и ласковый зверь»?

— Конечно, я надеюсь, что мой зритель примет его так же. И он заживет своей самостоятельной жизнью.

Бытует мнение, что музыка для кино — это несерьезно. Но я считаю, что даже маленькая вещь, если она сделана добротной, ее слушают, на кого-то действует благотворно. И тем самым художник выполняет свою миссию. Художник должен через красоту напоминать людям об их предназначении. Я целенаправленно работаю в этом направлении и выискиваю в «шахтах» моей души прекрасное.

— А как вы относитесь к молодежи, которая идет за вами?

— На свой московский концерт я привез более восьми-десяти человек. Они должны стать естеством в этом мире. Должны увидеть его и показать себя в нем. Своим ученикам раскрываю все ребусы нашей профессии. Как мне когда-то помогал Сидантьев, Бадхен и многие другие.

К сожалению, в последние годы появилась молодая «поросль» (извините за фамильярность, но она вызвана неуважением к тем, кто в искусстве пытается насадить пошлость и безвкусицу), которая считает, что до нее вроде ничего и не существовало. Ах, если бы они были более грамотны...

Они как буря, как смерч — все ломают. Но смена должна проходить более плавно.

Я болезненно переживаю то, что композиторы моего поколения почти ничего не пишут. Многие из них с недоумением смотрят на ту непрофессиональную белиберду, которая льется с эстрады, с экранов.

— Но ведь у вас немало новых произведений?

— Только что закончил балет «Венансия» для Пермского театра. И поскольку сейчас не самое лучшее время для постановок, не надеюсь скоро увидеть его на сцене.

Есть новая инструментальная музыка. И, конечно же, новая киномузыка. Я благодарен судьбе, что кино меня не предаст. И стараюсь ответить ему взаимностью.

— По-прежнему сотрудничаете с «Мосфильмом»?

— И с Ялтинской киностудией, и с «Беларусьфильмом», и с польскими кинематографистами, и с многими другими. А к «Мосфильму» у меня особое отношение. Здесь мои друзья, моя творческая мастерская.

— И последний вопрос. Вы счастливы?

— Счастье — это то, к чему люди постоянно стремятся, но редко приходят!

Валентина ЧЕРНЕГА.